СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

ВОЛКОВА Маргарита Борисовна, Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова

ДУДНИКОВА Елена Борисовна, Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова

РОМАНЧЕНКО Валерий Яковлевич, Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова

Работа посвящена малоисследованной теме эволюции взаимоотношений крестьянского самоуправления и государственной власти. Авторы акцентируют внимание на влияние социально-экономических и политических процессов, проходивших в стране революций и реформ на характер и особенности этих отношений.

Введение. В данной статье, возможно впервые, предпринята попытка проанализировать в самом общем виде основные тенденции и особенности, этапы эволюции системы взаимоотношений крестьянского самоуправления и государственного управления в аграрных отношениях в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Значимость такого подхода, на наш взгляд, определяется тем, что именно эти две составляющие на протяжении всей экономической истории России играли определяющую роль в организации сельского социума не только в экономическом, но и во всех иных аспектах его жизнедеятельности.

Цель исследования: показать эволюцию взаимоотношений государственной власти и крестьянского самоуправления в российской деревне, охарактеризовать особенности, тенденции данного процесса на различных этапах истории аграрных отношений, влияние на него меняющихся социально-экономических и политических условий.

Методика исследований. Работа подготовлена на основе современной научной методологии, сочетании формационных и цивилизационных подходов к анализу социально-экономических и политических процессов. Основными методами исследования являются диалектический, анализа и синтеза, сравнительного анализа, статистический, проблемно-хронологический.

Результаты исследований. История сосуществования крестьянского самоуправления и государственной власти в российской деревне берет свое начало еще со времен становления самодержавной власти, когда вместе с формированием социальной опоры самодержавия – дворянства ему было делегировано право вершить судьбы крестьянства от имени верховной власти и обеспечивать реализацию высочайших указов

самодержца. Но уже тогда в российской деревне существовала своя крестьянская власть в лице крестьянской общины, которая вершилась по своим неписанным законам, но при этом имела не меньшую силу и влияние, чем власть центральная.

В основе ее жизнедеятельности лежал традиционализм, включавший в себя две, на первый взгляд, противоположные составляющие: наивный монархизм, проявлявшийся в вере в законность монархического правления и в царя как защитника народа от произвола крупных землевладельцев и внешней агрессии, в признании обязанности подчиняться царской власти, и общинный демократизм, основанный на общинном самоуправлении, отождествляемый со своей крестьянской властью, легитимизированный силой вековых общинных традиций.

Особенностью российской модернизации, начатой Петром I и продолженной другими самодержцами царской России, было проведение ее по неорганическому типу, когда власть единолично решала судьбы деревни, отводя крестьянам роль простых исполнителей монаршей воли. Созданная этой властью система крепостничества до поры до времени успешно вписывалась в процесс такой модернизации. При этом государственная власть была объективно заинтересована в сохранении и упрочении крестьянской общины как основы стабильности государства и обеспечения устойчивых экономических связей с крестьянской семьей как первичной ячейкой его социальной структуры. Поэтому она предоставляла ей определенную свободу в регулировании внутриобщинных отношений, в том числе поземельных. Община помогала государству решать финансовые проблемы (повинности возлагались не непосредственно на крестьяни-

на, а на общину, что облегчало их выполнение), с ее помощью разрешались поземельные споры между крестьянами, а также между крестьянами и помещиками, крестьянские органы управления в лице старост, сборщиков податей, сотских и десятских, старшин, сельских и волостных сходо и т. п. занимались контролем за отбыванием различных повинностей, благоустройством территорий, охраной общинных земель, обеспечением общественного порядка, вопросами торгового обслуживания сельчан, проведением мероприятий по общественному призрению и множеству иных. Таким образом, крестьянская община обеспечивала социальную стабильность в сельском социуме, противодействовала имущественной дифференциации крестьянства исходя из традиционного представления о социальной справедливости. В реализации функций общинного самоуправления было заинтересовано и само крестьянство.

В целом такие отношения государственной и общинной власти можно охарактеризовать как единство и борьбу противоположностей. Однако по мере ужесточения крепостнического режима, ограничивавшего крестьянскую свободу всевластием помещиков, противоборство монархической и общинной власти усиливалось. Коренная противоположность интересов тех социальных слоев общества, которые они представляли, придавала борьбе двух ветвей власти в деревне антагонистический, неразрешимый характер.

После отмены крепостного права с созданием на селе органов земского самоуправления и института мировых посредников их взаимодействие переходит на низовой уровень и существенно активизируется. Повлияло ли оно на общество и государственную власть? Несомненно! Вот что писала по этому поводу исследователь аграрной истории Л.В. Данилова: «Констатируя особо сильное воздействие государства на судьбы крестьянства, его сословный статус и эволюцию, необходимо отметить и то обстоятельство, что преобладание крестьянства и связанной с ним традиционной аграрной экономики вплоть до начала XX века наложило сильную печать на характер государственной власти и всего общественного строя. Особое значение в данном случае имели повсеместное распространение и прочность крестьянской общины, сращенность выборных мирских властей и низового государственного аппарата (в дореформенный период для категории государственных крестьян, в пореформенную эпоху для всего крестьянства). Многовековое господство общины у подавляющей массы населения создавало ту атмосферу, в которой жило и развивалось общество. Дух общинности и связанной с ней патриархальности проникал во все его поры. Будучи социальным институтом с широкими социальными функциями, гарантом воспроизводства как обществен-

ного слоя, а в экстремальных ситуациях и его элементарного физического выживания, община при всем своем демократизме и коллективизме, мирской справедливости отличалась авторитарностью, жесткостью внутригруппового контроля, подчинения личности социуму, ориентацией на традицию и общепринятые образы. Все эти черты имели соответствующий эквивалент в организации политической власти и в целом в общественном строе» [5].

Влияние общинных традиций коллективизма и взаимопомощи создавали, особенно в пореформенный период, благоприятные условия для развития сельскохозяйственной кооперации, представлявшей собой еще одну уникальную разновидность крестьянского самоуправления. Принципы ее деятельности соответствовали общинным и международным принципам кооперативной идеологии: добровольность членства, обеспечение экономической выгоды членам кооператива, выборность руководящих органов, управление деятельностью кооператива на демократических началах, взаимопомощь членов кооператива.

Изначально кооперативное движение в России имело четко выраженную социальную направленность, выдвигало высокие общезначимые цели, несло в себе идеи просветительства, что выгодно отличало кооперацию от коммерческих организаций. Вместе с тем, уже первые создаваемые формы кооперации служили целям включения в рыночные отношения сельских товаропроизводителей, ослаблению монополизма торговцев, ростовщиков, скупщиков, мобильному приспособлению к меняющимся условиям рыночных отношений.

Развитие кооперации шло довольно быстрыми темпами. Если за шесть лет с 1865 по 1870 г. было образовано 76 кооперативов, то за шесть лет с 1992 по 1997 г. уже 332, а всего за три года с 1915 по 1917 г. – 1200 [1, 5].

Повсеместно стали создаваться кредитные, промысловые кооперативы, кустарные артели, сельские товарищества, потребительские общества и иные кооперативные формирования. На начало 1917 г. они объединяли 12 млн крестьянских хозяйств, т. е. более 55 % их общего количества.

Наибольшее распространение в сельской местности получила потребительская кооперация. Она занималась закупкой, сбытом и переработкой сельскохозяйственной продукции, снабжением товарами первой необходимости, производством с использованием техники, домостроением. Экономическая деятельность потребительской кооперации, как правило, была успешной. Базой их образования были добровольные паевые взносы членов, на которые наращивалась прибыль кооператива. В условиях начавшейся Первой мировой войны роль потре-

бительской кооперации как средства спасения от безденежья, дефицита товаров и спекуляции стала особенно ощутимой. О том насколько ее деятельность соответствовала интересам крестьян, свидетельствуют следующие данные: в Ставропольском уезде Курской губернии после появления в годы войны первых потребительских лавок цены на чай и карамель упали на 10 %, на сахар – на 13 %, спички и гречневую крупу – на 20 %, на дрожжи и соду – на 50 % [1].

Что касается государственной власти того времени, то она к развитию кооперации, как и ко всякой инициативе «снизу», относилась с подозрением. Поэтому, не запрещая официально деятельность кооперативов, ограничивала кооперативную самоорганизацию различного рода инструкциями. Ограничительный характер носил и принятый в мае 1897 г. «Нормальный устав общества потребителей», согласно которому потребительские общества могли создаваться только с разрешения губернатора и с согласия жандармского управления. После получения разрешения за ними в обязательном порядке устанавливался негласный надзор. В сельской местности нередко были случаи ареста председателей правлений потребительских обществ, попавших под подозрение полиции и их закрытия. Эта мера преследовала еще одну цель: пресечь возможность превращения кооперации, как одной из самых массовых форм самоуправления крестьянства в организации, в рассадник революционных настроений и действий. Аналогичную сверхзадачу должна была решить и реформа П.А. Столыпина, нацеленная на ликвидацию общинного землевладения и самоуправления, на развитие частной собственности в деревне. Однако в экономической сфере реформа была реализована лишь частично: за 1907–1915 гг. в целом по стране к хуторскому и отрубному хозяйству перешли лишь 10,5 % крестьянских семей, в Саратовской губернии – 16,4 % [4, 8].

Что касается политической сверхзадачи, то ее выдающемуся реформатору решить не удалось. Причины этого, на наш взгляд, могут быть сведены к двум основным. Во-первых, взявшись за разрушение общины, пустившей глубокие корни в крестьянском сознании, его исторической памяти и укладе жизни, Столыпин не учел силу крестьянской общины, побороть которую одним махом было практически невозможно.

Во-вторых, еще до начала реформы крестьянское движение в России приобретает революционный характер. Размах крестьянской революции уже к осени 1905 г. был настолько велик, что остановить ее никакими указами «сверху» было практически невозможно [6].

Вряд ли можно спорить с тем, что революционный подъем в российской деревне начался стихийно и проявлялся в традиционных для стихийного протеста формах. Однако уже на на-

чальном этапе крестьянской революции, и чем дальше – тем больше, становилась очевидной низкая эффективность стихийного крестьянского протеста. Не случайно уже тогда в самой гуще этого стихийного движения зарождались элементы организованности: захваты помещичьих земель нередко осуществлялись по «приговору» органов общинного самоуправления. В ноябре 1905 г. на грузинской окраине российского государства в административном районе Гурии была провозглашена крестьянская республика со своими органами власти и вооруженной защиты. В дальнейшем революционные органы крестьянского самоуправления стали действовать в различных губерниях европейской России. По сути, они стали альтернативой официально функционировавшим органам земского самоуправления, находившимся под контролем помещики царского правительства.

После падения самодержавия, как отмечалось в мартовском номере газеты «Астраханский листок», «часть учреждений старого строя была уничтожена или изменена или парализована... Самому населению пришлось наскоро создавать взамен устранившейся власти власть, которая в состоянии была, так или иначе, ответить на запросы жизни» [2].

Эта власть в лице исполнительных комитетов, союзов земельных собственников, Советов и ряда других развернула активную работу по ликвидации прежних органов государственной власти, включавшую уничтожение старого полицейского аппарата, изгнание из сел и деревень приставов, земских начальников и прочих чиновников царского правительства. Одновременно органы крестьянского самоуправления взяли на себя широкий спектр полномочий, охватывавший буквально все сферы крестьянской жизни. Они организовывали снабжение армии продовольствием и лошадами, ремонт мостов и дорог, контроль за распределением продовольствия и использованием земли, охрану общественного порядка и многое другое, самостоятельно решали вопросы финансового обеспечения реализации поставленных задач. При этом власти, создаваемые Временным правительством, постепенно эволюционировали в органы крестьянской власти.

Февраль 1917 г. открывал новые возможности и для развития сельской кооперации. Временное правительство законом от 20 марта 1917 г. отменило все прежние законы и вместе с ними все ограничения, которые стояли на пути создания и деятельности кооперативных обществ и их союзов. Теперь для их создания не требовалось чье-либо разрешения, а достаточно было регистрации в административных отделениях окружных судов. Были разработаны основные принципы российского кооперативного права, определен порядок создания и регистрации кооперативных товариществ, их внутренние правоотношения [3].

Всё это, с одной стороны, обеспечивало всё большее участие крестьян в кооперации, с другой, – повышение эффективности ее деятельности и расширение сфер влияния. В свою очередь массовое участие сельских жителей в кооперативном движении делало их все более независимыми экономически. В результате в период от падения самодержавия до утверждения власти большевиков сложилась уникальная в истории крестьянского самоуправления ситуация: параллельно значительной части местных органов центральной власти на фоне существенно возросшей экономической независимости, роста влияния и эффективности деятельности органов крестьянского самоуправления превращали веками существовавшее в российской деревне двоевластие (государственная и общинная власть) во властную монополию крестьянского самоуправления.

Что же меняется во взаимоотношениях государственной власти и крестьянского самоуправления после прихода к власти большевиков?

Вначале новая власть дает крестьянскому самоуправлению широкие полномочия. Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле, принятый 26 октября 1917 г., включал в себя указы 242 местных органов крестьянской власти [11]. Он не только сохранял крестьянское самоуправление, но и предавал в исключительное пользование общин леса, озера, мелкие реки, высококультурные помещичьи хозяйства, кожзаводы, племенные скотоводства и птицеводства, инвентарь и технику конфискованных помещичьих имений, наделяя органы крестьянского самоуправления правом распределять отчужденную землю между крестьянами [12].

В распоряжение общин передавались также земли зажиточных крестьян, вышедших во время Столыпинской реформы из общин и организовавших хуторское и отрубное хозяйство. Тем самым большевистская власть подрывала экономические основы зажиточного крестьянства и укрепляла позиции крестьянской бедноты, составлявшей большинство сельского населения и остававшейся верной идеалам общинного уклада жизни. Правовые основы функционирования крестьянской общины были определены и закреплены законодательно с принятием в декабре 1922 г. «Земельного кодекса РСФСР», в соответствии с которым община как юридическое лицо получило наименование земельное общество. За ним закреплялся общинный порядок землепользования и самоуправления. Главным органом управления обществом становилось общее собрание, а текущие вопросы сельской жизни между собраниями решались выбранными на собрании уполномоченными. Как и в досоветский период общинного самоуправления, они решали все экономические и социальные проблемы крестьянства.

Поддержка большевистской властью общинного самоуправления была, безусловно, вынужденной мерой, обусловленной необходимостью укрепления в деревне позиций Советской власти. Ее политические приоритеты изначально были отданы таким органам коллективного самоуправления, как коммуны. Однако их роль в аграрной экономике была крайне незначительной. Казалось бы, крестьянская власть приобретала широкие перспективы дальнейшего развития, но начатый с конца 1920-х гг. переход к политике сталинской модернизации не оставлял места для их реализации.

Альтернативой земельным обществам согласно планам сталинского руководства должны были стать сельские советы, превратившиеся после октябрьского переворота 1917 г. в государственные органы власти, наделенные административными полномочиями. Вплоть до конца двадцатых годов они выполняли весьма скромные функции сбора сельхозналога и исполнения распоряжений вышестоящих органов власти. Но затем положение коренным образом меняется. После издания ЦИКом СССР в феврале 1930 г. постановления «Основные положения об организации сельских советов в СССР» с двоевластием в сельской глубинке было покончено. Согласно «положениям» сельским советам вменялись в обязанность руководство всей деятельностью земельных обществ и направление этой деятельности в сторону социалистического переустройства сельского хозяйства. В ходе сплошной коллективизации земельные общества ликвидировались, и их права передавались сельсоветам [13].

Постепенно происходит трансформация в сторону подчинения жесткому административному контролю государства диктатуры пролетариата (а по сути – партии большевиков-коммунистов) и других форм крестьянского самоуправления, получивших свое основное воплощение в различных видах кооперации. Под влиянием сложившегося диктаторского режима власти меняется и ее внутреннее содержание, что наглядно видно на примере коллективных хозяйств. Массовая и насильственная коллективизация, начатая в 1929 г. в соответствии с директивами XV съезда ВКП(б), лишала колхозы их первоначальной природы в качестве одной из разновидностей производственных сельскохозяйственных кооперативов. Поправки в создаваемых по указке «сверху» коллективных хозяйствах основополагающих кооперативных принципов, таких как добровольность объединения, право члена кооператива на свой паевый взнос, осуществление хозяйственной деятельности на основе самоуправления превращали колхозы в один из элементов единой системы социалистического планового хозяйства, основанной на централизованной системе руководства сельским хозяй-

ством. Сформированный в этой системе принцип распределения доходов остаточный для колхозной деревни подрывал материальную заинтересованность крестьянства в результатах своего труда и саму основу самоуправления в деревне. Одновременно происходит окончательное включение в планово-распорядительный механизм существующей власти потребительской кооперации, лишение ее управленческой самостоятельности. При этом некоторые признаки самоуправления в них все же сохранились. Например, решение текущих вопросов общим собранием колхозников в колхозах и пайщиков в потребительских обществах, избрание правления, председателя колхоза и потребительского общества. Однако их управленческая самостоятельность носила скорее формальный характер. Реально же все нити управления в советской деревне находились в руках районной и вышестоящих органов партийной и советской власти при главенствующей роли партийной номенклатуры. Более того, в 1950–1970-е гг. центральная власть осуществила курс на огосударствление колхозов путем преобразования их в совхозы. Это была одна из наиболее масштабных административных кампаний, проведенных в аграрной сфере бывшего СССР. В ходе ее проведения было «совхозизировано» свыше 17 тыс. колхозов. В результате только с 1954 по 1970 гг. количество работников совхозов России, занятых в основном производстве, увеличилось более чем в 4 раза – с 1,1 до 4,6 млн человек, в результате чего колхозная деревня России из колхозной (по преобладающей численности работников) превращается в совхозную. Так же, как и при проведении других административных начинаний в деревне, мнение крестьянства по поводу целесообразности перехода на положение рабочих совхозов учитывалось в последнюю очередь [9].

Низкая эффективность административно-командной системы управления сельским хозяйством, сложившаяся при сталинском тоталитарном режиме и сохранившаяся вплоть до крушения СССР, инициировала попытки партийно-государственного руководства страны провести реформирование данной системы. Оно включало в себя внедрение хозрасчета, некоторую демократизацию управления в крупных общественных хозяйствах, потребительских обществах, поощрение организации различного рода агропромышленных, межхозяйственных формирований в виде агропромышленных комбинатов, объединений, предприятий, агрофирм и т. п. Однако все эти меры стали активно проводиться уже к концу советского периода экономической истории и носили в основном половинчатый характер. Только с переходом к рыночным реформам в 1990-е гг. после крушения тоталитарного режима в СССР происходит возрождение

крестьянского самоуправления в российской деревне [4]. В немалой степени этому способствовали принятые новым руководством страны меры по организации крестьянско-фермерских хозяйств, переходу крупных сельскохозяйственных предприятий к частной, коллективно-долевой и другим формам собственности, устранение жесткого партийно-государственного контроля за деятельностью кооперативных и иных хозяйствующих субъектов на селе. Вместе с тем, самоустранение государственной власти от систематической и целенаправленной поддержки сельского хозяйства привело к нестабильности правового пространства в аграрном секторе страны, ослаблению его материально-технической базы, социальной структуры, спаду фермерского движения, падению жизненного уровня сельчан. Пущенное на самотек в начале 90-х гг. кооперативное движение в сельской местности приобретает негативные черты и, в частности, такие, как массовая коммерциализация кооперации, утрата ею своих традиционных общественно-значимых функций, что приводит к стремительному сокращению численности пайщиков, заготовительных организаций, предприятий торговли и общественного питания.

Предпосылки, необходимые для стабильного развития крестьянского самоуправления, были созданы лишь после перехода государства в начале XXI века к полноценному регулированию аграрных отношений. Правовую базу такого перехода обеспечило принятие целого ряда важнейших нормативных документов, в том числе Федеральных законов: от 9 июля 2002 г. «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей», от 24 июля 2002 г. «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», от 11 июня 2003 г. «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», от 7 июня 2003 г. «О личном подсобном хозяйстве», измененный и дополненный в Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. «О сельскохозяйственной кооперации» [14]. Возрождению кредитной кооперации способствовала разработка и реализация Федеральной целевой программы «Развитие сельской кредитной кооперации на 2003–2010 годы», согласно которой число кредитных кооперативов должно было возрасти с 372 в 2002 г. до 650 в 2010 г., число членов – до 305 тыс. Фактически же их оказалось в три раза больше, чему способствовала проводимая кооперативная политика государства [10].

Заключение. Таким образом, взаимоотношения государственной власти и крестьянского самоуправления в истории аграрных отношений России прошли сложный и противоречивый путь развития. По своей направленности и содержанию оно носило скорее циклический, чем поступательный характер, а в период существования советского тоталитарного режима разви-

тие крестьянского самоуправления на долгие годы было законсервировано и формализовано сложившейся командно-административной системой партийно-государственного руководства, что не могло не оказать негативного влияния и на результаты проводимых аграрных реформ. Тем не менее, сложившиеся еще в далеком прошлом традиции крестьянского самоуправления, в основе которых лежали общинные принципы коллективизма, самоорганизации и самопомощи крестьянства, несмотря на все трудности и препятствия, чинимые сначала царской, а затем и советской властью, сохранились, получив свое воплощение в традиционных и новых формах организации крестьянского хозяйства. Более того, их роль в будущем, несомненно, будет возрастать. В настоящее время сельское хозяйство России вышло из состояния кризиса и успешно развивается. Одним из условий сохранения и наращивания темпов такого развития является всемерная поддержка различных форм крестьянского самоуправления государственной властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурутин В.И., Титаев В.Н., Бородин И.Ф., Романченко В.Я. Жива и будет жить. 80 лет потребительской кооперации Саратовской области. – Саратов: ИПП «Газета», 1996. – С. 18, 21.
2. Васькин В.В., Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. – Саратов: СГУ, 1976. – С. 169.
3. Волкова М.Б., Дудникова Е.Б. Идеино-теоретические предпосылки становления кооперации в России // Социокультурные аспекты взаимодействия личности и общества в современном мире. – Саратов, 2010. – С. 15–25.
4. Волкова М.Б., Дудникова Е.Б. Самоуправление и его роль в адаптационных процессах сельского населения России // Вавиловские чтения – 2010: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2010. – С. 15–27.
5. Данилова Л.В. Крестьянство и государство в до-реформенной России // Крестьянство и власть: материалы конференции. – Москва-Тамбов, 1996. – С. 36.
6. Дудникова Е.Б. Аграрная реформа П.А. Столыпина: социально-исторический анализ // Социокультурные аспекты взаимодействия личности и общества в современном мире. – Саратов, 2006. – С. 9–16.
7. Дудникова Е.Б. Гражданская самоидентификация крестьянства: проблема становления местного сельского самоуправления // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – 2004. – № 2–2. – С. 91–96.
8. Посадский А.В. Диалектика общинного и индивидуального на пределе экстенсивного развития (стереотипы сознания и поведения саратовского крестьянства, 1861–1920 гг.) // Социс. – 2000. – № 4. – С. 85.
9. Романченко В.Я. «Совхозизация» сельского хозяйства в России: исторические уроки и социально-экономические результаты (1950–1980 гг.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Тамбов: ТГТУ, 2000. – С. 269–270.
10. Романченко В.Я., Ищенко Ю.В. Аграрное развитие России и кооперация. 1945–1990-е годы (краткий исторический очерк). – Энгельс: РИЦ ПКИ, 2015. – С. 84–85.
11. Декреты Советской власти. – М., 1974. – Т. 7. – С. 147–149.
12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 1. – М., 1967. – С. 16.
13. Сборник документов по земельному законодательству СССР – РСФСР. 1917–1954 гг. – М., 1954. – С. 91–92, 465–466.
14. Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – ст. 3018; 2003. – № 24. – ст. 2249; № 28. – ст. 2881, 2882; № 24. – ст. 2248.

Волкова Маргарита Борисовна, канд. социол. наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки», Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова. Россия.

Дудникова Елена Борисовна, д-р социол. наук, проф. кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки», Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова. Россия.

Романченко Валерий Яковлевич, д-р ист. наук, проф. кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки», Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова. Россия. 410012, г. Саратов, Театральная пл., 1. Тел.: +79626186070.

Ключевые слова: крестьянское самоуправление; государственная власть; революция; реформа; модернизация; российская деревня; политика; аграрные отношения; эволюция; крестьянское, кооперативное движение.

SOCIO-ECONOMIC DIMENSION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PEASANT SELF-GOVERNMENT AND STATE POWER (RETROSPECTIVE ANALYSIS)

Volkova Margarita Borisovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the chair "Socio-legal and Humanitarian-pedagogical sciences", Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov. Russia.

Dudnikova Elena Borisovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the chair "Socio-legal and Humanitarian-pedagogical sciences", Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov. Russia.

Romanchenko Valeriy Yakovlevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the chair "Socio-legal and Humanitarian-pedagogical sciences", Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov. Russia.

Keywords: peasant self-government; state power; revolution; reform; modernization; Russian countryside; politics; agrarian relations; evolution; peasant; cooperative movement.

The study is devoted to the insufficiently explored theme of the evolution of the relationship between peasant self-government and state power at the main stages. The authors focus on the impact of socio-economic and political processes, the country was undergoing, revolutions and reforms on the nature and characteristics of these relations.